

Ципора Кохави-Рейни

Королева в ракушке

*Повесть
о беспокойной жизни и любви
израильской писательницы
Наоми Френкель*

книга вторая

Восход и закат

часть вторая

Ципора Кохави-Рейни
**Королева в ракушке.
Книга вторая. Восход
и закат. Часть вторая**

«Книга-Сэфер»

2017

Кохави-Рейни Ц.

Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть вторая / Ц. Кохави-Рейни — «Книга-Сэфер», 2017

ISBN 978-965-7288-3-1

Продолжение биографического романа Ципоры Кохави-Рейни о жизни великой израильской писательницы Наоми Френкель. Третий том трилогии продолжает историю любви Наоми и Израиля Розенцвайга. Наоми – уже признанная писательница – едет в Германию. Она пытается понять истоки нацизма и его роль в нынешней Германии. И пишет продолжение своей главной книги – «Шауль и Иоанна». Сложнейшие перипетии политической жизни молодого еврейского государства, непримиримая партийная борьба ломает судьбы героев... Впервые столь откровенно рассказывается о жизни Израиля. Книга – в полной степени станет энциклопедией израильской жизни тех лет.

ISBN 978-965-7288-3-1

© Кохави-Рейни Ц., 2017

© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Глава четырнадцатая	32
Глава пятнадцатая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ципора Кохави-Рейни
Королева в ракушке. Книга вторая.
Восход и закат. Часть вторая

© Silvia Horwitz, Minnesota, 2017

©Tsippi (Zipora) Rainey, רייני – ציפורת כוכבי

©Эфраим Баух, перевод на русский язык, 2017

* * *

Сыну моему Йони (Йоханану) Рейни и всем моим ученикам

ציפורה כוכבי-רייני
מלכת הקונכייה
סיפור חייה הסוערים של נעמי פרנקל

Марта Френкель до рождения старшей дочери. 1902 год.

Марта и Артур Френкель. 1902 год.

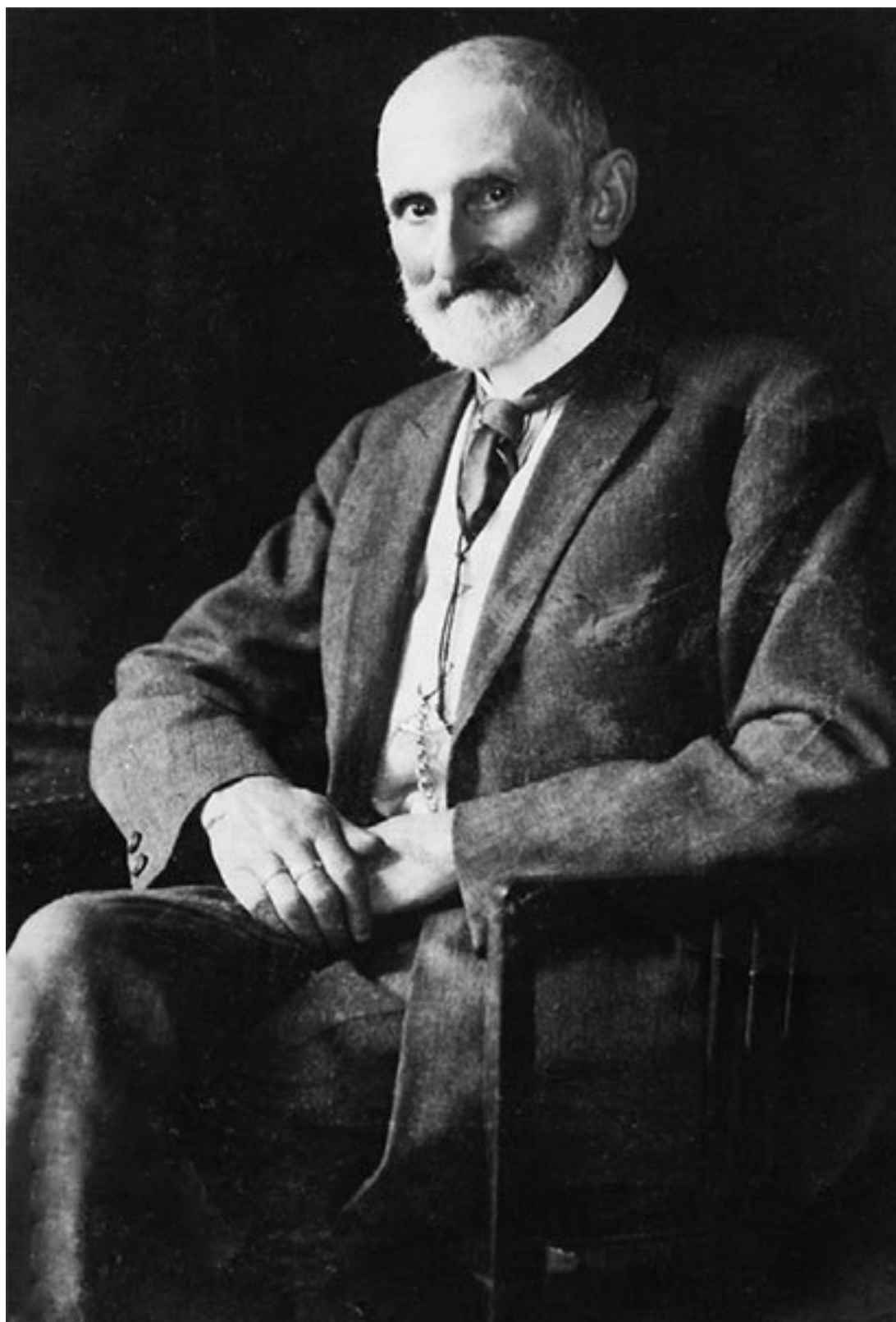
Марта с подругами. 1902 год.

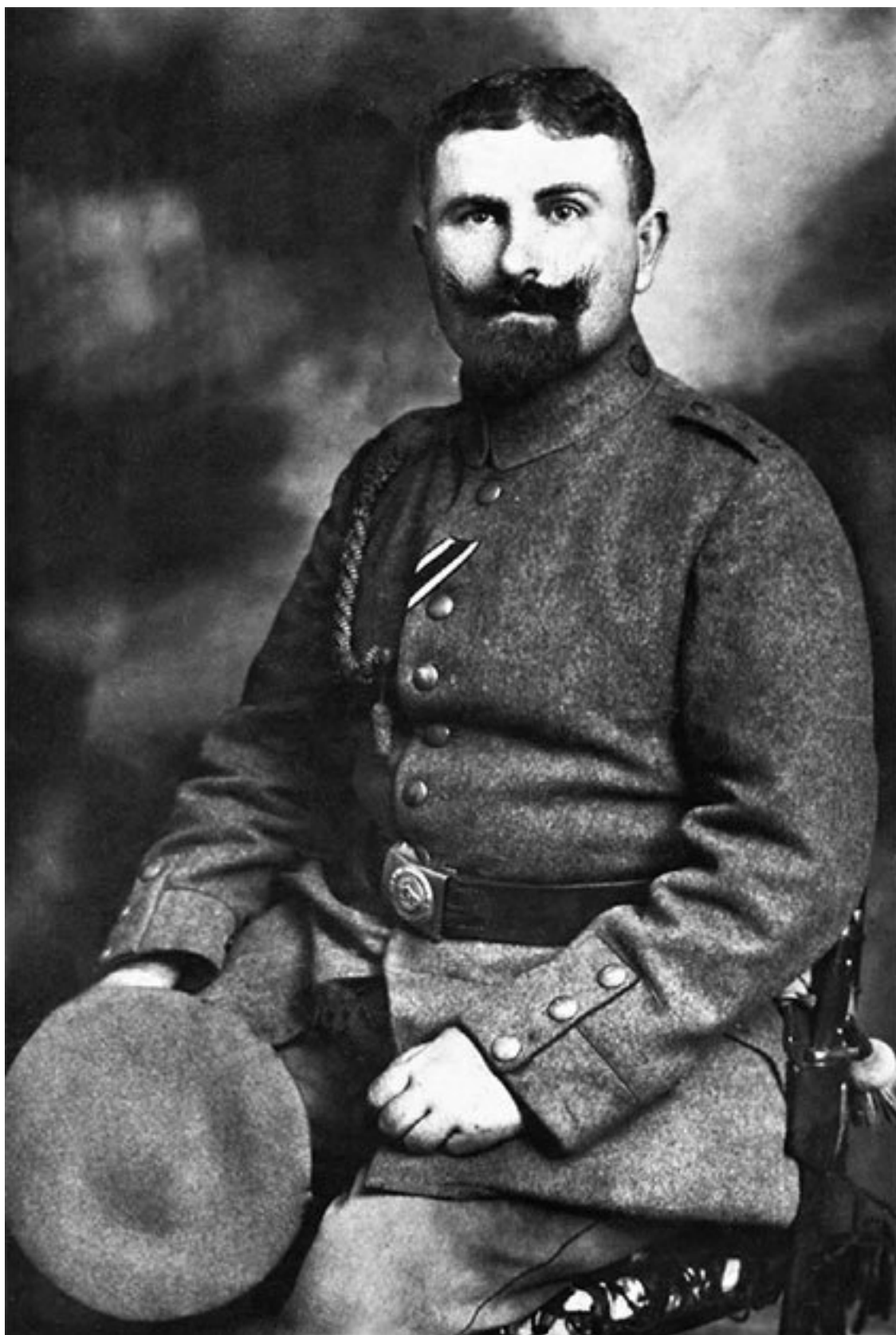
Мать Якова Френкеля. После 1840 года.

Жена Якова Френкеля. Около 1910 года.

Яков Френкель. 1914 год.

Артур Френкель. 1914 год.

Тетя Регина, сестра Якова Френкеля.

Марта и Лотшин. 1911 год.

Марта и дети: Лотшин, Луц, Эльзе, Гейнц, Рут. 1916 год.

Марта и Лунц. 1917 год.

Наоми полгода. 1919 год.

Наоми 2 года. 1921 год.

Бертель (Наоми) и сын подруги Марты Зиги Коэн. 1923 год.

Бумба и Бертель. 1923 год.

Лотшин. 1923 год.

Лотшин, Бертель (Наоми), Эльзе, Рут, Бумба, Гейнц, Лутц. 1923 год.

Семья Френкель. 1923 год.

Эльза и Лотшин. 1926 год.

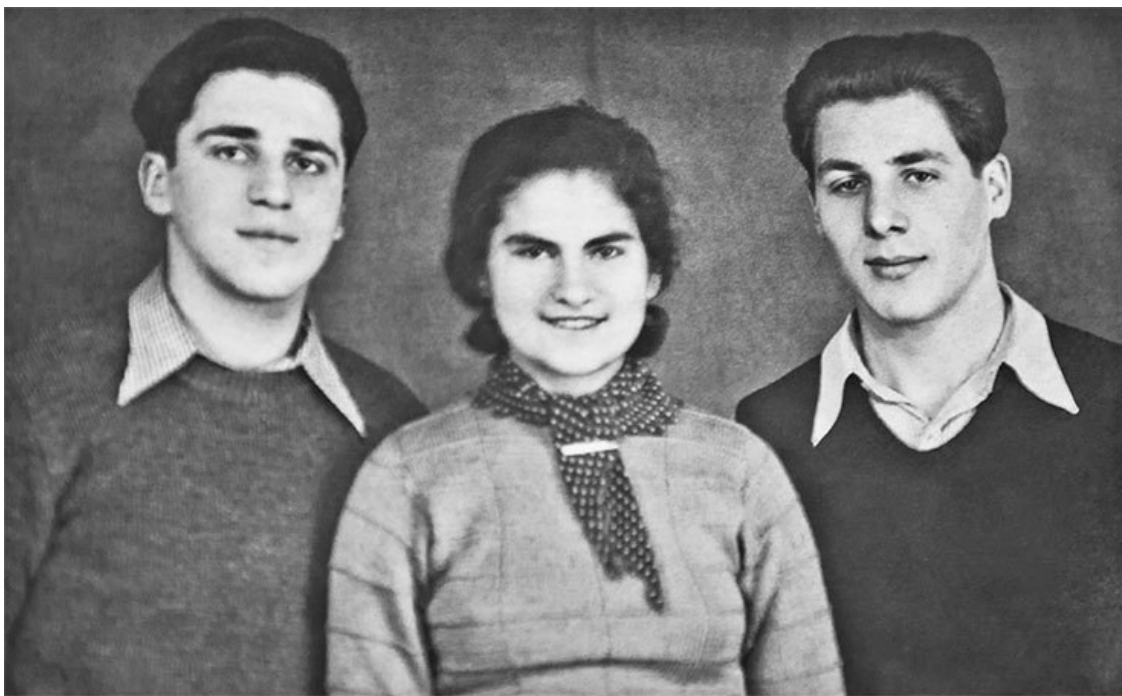
Эльза и ее муж Герман. 1933 год.

Гейнц. 1930 год.

Наоми и Бумба (Эрнст). 1923 год.

Фузель, Наоми и Реувен Вайс. 1933 год.

Обстановка берлинского дома семьи Френкель.

Am Freitag verschied nach kurzer, schwerer Krankheit mein geliebter Mann, unser treusorgender, herzenguter Vater und Grossvater, Sohn und Bruder, Schwager und Onkel, Herr

Arthur Fränkel
(früher Krotoschin)

im 51. Lebensjahre.

Berlin-Weissensee
Goethestr. 16

Im Namen der Hinterbliebenen

Doris Fränkel geb. Brünn
und Kinder

Beerdigung Montag, den 11. Januar 1932, 12 Uhr,
Weissensee, Neue Halle.

Von Beileidsbesuchen und Kranzspenden bitten wir
abzusehen.

Объявление о смерти Артура Френкля.

Фамильный склеп семьи Френкель.

Глава четырнадцатая

Любимый мой человек!

В эту минуту самолет взлетел. Я не почувствовала никакого неудобства. Теперь мы летим над морем. Оно выглядит, как темное болото, замершее, без всякого движения. На горизонте облака близки, и подобны горным хребтам. Солнце слепит, но в салоне жар неошутим, прохладно, приятно. Я сижу у иллюминатора, но смотреть в него можно изредка из-за солнца. Тяжело мне было расстаться с вами, и все еще болит сердце, и это будет до тех пор, пока я снова не сойду с самолета, и увижу тебя, несущего улыбку мне навстречу.

Дорогой мой, не печалься. Время проходит быстро. Еще немного, и я вернусь. Поцелуй нашу малышку и пиши, много и быстро. Крепко целую тебя,

Твоя Наоми

18.09.60

Наоми прилетела в Рим. Она приглашена в дом Ады Сирени. Там ей расскажут о деятельности движения Алия Бет в Италии. Ада – вдова Энцо Сирени, одного из основателей кибуца Гиват Бренер. Он был послан в тыл нацистов, взят в плен и погиб в концлагере. Йегуда Арази, боец «Хаганы», добрался до Италии. Ада помогала ему доставать деньги на покупку кораблей и необходимое оборудование. Они привлекали богатые еврейские семьи, агитировали в клубе перед Миланским собором. В клубе тайно собирались члены Алии Бет и беженцы из концлагерей. Отсюда устанавливали связь по радио с подпольщиками в Европе.

Наоми сопровождает в Италии израильтянин Моше. Он предупреждает Наоми о властном характере Ады. Активисты Алии Бет до сих пор осуждают ее диктаторские замашки. Говорят, что она требовала не только абсолютного подчинения, но и выполнения ее личных поручений: покупки, очередь в парикмахерскую, поездки.

Ада встречает ее с распростертыми объятиями, но вскоре становится видно ее высокомерие. Рассказывая о деятельности морского подразделения Пальмаха, она повторяет: «Что ты знаешь? Что может в этом понять, девочка?»

Наоми разочарована. Создается впечатление, что Ада одна несла на своих плечах весь сложный процесс нелегальной эмиграции, и естественно, что все награды причитаются ей. Но, с другой стороны, она благодарна Аде за информацию. Ада говорит по телефону с итальянским евреем Рафаэлем Кантони, инициатором Алии Бет, а также с итальянцами, помогавшими ПАЛЬМАХ. Она просит их встретиться с писательницей из Израиля.

Наоми приглашают в дома добровольных помощников в Риме. Ее до слез потрясает героизмом итальянских евреев. «За всю свою жизнь я не встречался с такими парнями, людьми, которые могут забыть себя, умереть в любой миг ради репатриации», – дрожащим голосом Наоми потрясена.

Перед ней открываются ворота в мир невероятной, не знакомой ей до сих пор, человечности.

На экскурсиях она впитывает волшебные пейзажи, проносящиеся мимо, и мысли ее возвращаются в сороковые годы. Она уже обдумывает новую книгу, анализирует накапливающуюся информацию.

Шалхевет Приер и его товарищи трудились круглые сутки, чтобы добыть деньги. Старые суда переполнялись беженцами. В море за этими кораблями следили самолеты и эсминцы, угрожая им, если они приближались к территориальным водам. Британские корабли забрасывали беженцев бомбами со слезоточивым газом, направляя на них орудия. Они плыли без остановок в портах. У них не было средств радиолокации. Они терпели угрозы и унижения. Их корабли ломались. Им грозили изгнанием из Израиля. Их содержали в концлагере. Но ничто

не останавливали репатриацию. Их не пугали доходящие сообщения о жертвах преследований. Они готовы были на все, лишь бы добраться до земли Обетованной. Картошка, консервные банки, болты, кипятки, – все было оружием в их руках. Долгое плавание изматывало и капитанов кораблей и пассажиров, качка лишала их сил. Активисты поддерживали их дух, учили израильским песням и словам на иврите, рассказывали о еврейских первопроходцах и готовили их к жизни в кибуцах, мошавах, городах. С приближением британских самолетов или эсминцев, мгновенно все скрывались в трюме корабля. На допросе называли ивритские имена, поднимали на мачту израильский флаг, с гордостью пели «Атикву».

За четырнадцать лет нелегальной эмиграцией в Израиль прибыло более ста двадцати тысяч евреев. Значительно увеличилась численность еврейского населения страны, что сыграло немалую роль в решении провозгласить государство Израиль.

Наоми Моше, бывший боец штурмового отряда Пальмаха, привел Наоми к полуразрушенному средневековому замку на берегу моря и познакомил с удивительной женщиной, помогавшей нелегальной миграции. Это была русская княгиня, бежавшая от большевиков в Италию. Ревнительница личной свободы, она относилась с глубокой солидарностью к жертвам Катастрофы.

Продолжая свои странствия вдоль Италии, Наоми шлет Израилю открытку из Неаполя.

14.09.60

Увидеть Неаполь и умереть!

Море темное, рыбацьи лодки преодолевают волны. Огни Неаполя тянутся к подножью холмов и гор. Ветром доносит звуки скрипки, и голос певца заполняет все пространство – «Санта Лючия». И это не сон, а реальная ночь в городе Неаполе на берегу Средиземного моря, и несет эта ночь тоску по тебе, усиленную нежностью песни.

Твоя Наоми

28.09.60

Дорогой мой,

Сейчас я в Милане. Несколько дней мы объезжали окрестности Неаполя. Не знаю, как для других, для меня ностальгия – тяжелая болезнь. Мы вернулись в Рим и оттуда улетели в Милан. Завтра улетаем на пару дней в Цюрих. Оттуда – в Мюнхен. Я очень устала. Долгие переходы пешком были свыше моих сил. Очень скучаю по тебе и детям.

Милан красивый город, совсем не похож на Рим. Современные небоскребы в американском стиле впечатляют. Я научилась есть спагетти, как настоящая итальянка.

Прибуду в Цюрих, тут же напишу тебе письмо.

Твоя Наоми

Она летит в самолете над Италией в Цюрих и размышляет. Многие евреи не хотят иметь никакой связи с Германией. Но мы, родившиеся там, ощущаем болезненный разрыв.

Она вспоминает обращенные к ней слова Гершона Шалома: «Мы никогда не сумеем отрешиться от переживаний нашего детства и юности, ведь Германия – это природа и язык, впитанный с молоком матери, это незабываемые впечатления начала жизни. И ненависть к Германии не будет длиться вечно. Конечно же, нельзя забыть, что сделал нам немецкий народ, невозможно стереть это из нашей памяти, поддаться амнезии, облегчить их вину. Но мы должны вести себя с ними, как гордые евреи. Мы должны глядеть вглубь общей с ними Истории и говорить с еврейской точки зрения. Призыв немецкого народа к разговору с еврейским народом – это стыд, бормотание, заикание, рожденное неуверенностью. Но, с другой стороны, это свидетельствует о положительных основах этого диалога, и его следует приветствовать».

В Цюрихе – промежуточная остановка. Она посещает санаторий для детей обиженных судьбой, инвалидов. Здесь содержится дочь их друга, философа Шмуэля Бергмана. Ребенок до смерти напугал жену Бергмана. Она так и не смогла принять это существо с большой головой на тонкой шее, худым тельцем и пеной, текущей изо рта. Бергман пытался найти новый дом для ребенка, но ему это не удалось. Перед отъездом Наоми, он пожаловался ей: «В Швейцарии правительство настроено антисемитски, но там умеют обращаться с такими детьми. У нас я не нашел ни одного еврея, который смог бы это сделать». Он один посещает ребенка, ибо жена не находит в себе силы даже смотреть на дочь. Наоми обещала сообщить ему о его состоянии. В заведении появление чужого человека вызвало целый переполох. Девочка, испытывающая страх перед людьми, привязывается к Наоми и обнимает ее. Малышка чувствует глубокие и искренние эмоции Наоми по отношению к себе. Страдающие люди тянутся друг к другу.

Вернувшись в аэропорт Цюриха, она попадает в неприятную историю. Германский чиновник, увидев израильский паспорт Наоми, записал в графе национальность – «израиль-тянка».

«Извините, господин, я по национальности – еврейка.

«Госпожа, сегодня мы говорим – «израильтянин», а не – «еврей». Чиновник изображает радостное лицо по поводу исторического исправления.

«Вы ошибаетесь, я не израильтянка, я – еврейка. Так и запишите национальность – еврейка». Лицо чиновника выражает понимание, но он стоит на своем: «Нет, госпожа, сегодня мы пишем – «национальность: израильтянин». Она упрямо этого не принимает. В сегодняшней Германии хотят стереть слово – «Йуде»! Желтый лоскут в форме магендавида, который нацисты навешивали евреям на грудь, вызывает неприятные ассоциации, поэтому хотят сделать для нее доброе дело, называя ее израильтянкой, а не иудейкой! Первое отвратительное переживание. Слово «Йуде» все еще осталось проклятием!

Нацизм исчез, как политическое движение, но продолжает жить в соседней с Германией стране. Гитлер втянул немцев в уничтожение целого народа, превратив слово «Йуде» в проклятие.

«Я – еврейка!»

Никак она не может втолковать этому немцу, что для нее израильское гражданство – дело второстепенное.

«Но оно более элегантно, более современно, – вмешивается стоящий за ее спиной израильский турист, – Вы только раздуваете антисемитизм этими разговорами. Все смотрят на вас!»

«Причем тут Израиль? В первую очередь вы – евреи».

«Она – религиозная», – вмешивается другой германский чиновник у стойки, за которой регистрируют на рейс из Швейцарии в Германию. Была бы она менее деликатна, подняла бы крик на всю очередь израильтян, которые нервничают по поводу задержки с регистрацией.

«Почему вы не говорите, что вы – евреи. Говорите об этом с гордостью – мы евреи», – как можно сдержаннее говорит она.

Израильтяне стесняются признаться в еврействе, желая быть, как все народы.

«Из Цюриха я въеду в Германию только, как еврейка. Так и запишите»

Евреи должны начать учиться быть народом.

Германский чиновник не выдержал тяжелого взгляда Наоми. Он решил, что она побывала в ужасе Катастрофы. Он оставил стойку и зашел в боковую комнату, посоветоваться с начальством. В эти напряженные минуты нетерпеливые израильтяне в очереди пытались ее образумить, а швейцарские полицейские бросали на нее пытливые взгляды.

Чиновник вернулся к стойке, вписал в бланк – «еврейка» и прихлопнул печать.

В Германии ее ожидала открытка от Ивон Лей – христианки, которая должна была ее сопровождать. Она писала, что определила двухлетнего сына Бумбы в сиротский дом. Лотшин настаивает: никто из семьи Френкель не будет расти в приюте! Лотшин требует перевести ребенка из Мюнхена в Берлин, и вернуть самого Бумбу с сыном домой, в Израиль, несмотря на то, что полиция запретила ему покидать город. Наоми сомневается в возможности реализации этого плана. И какой будет жизнь крещеного ребенка в еврейской среде?! Но сестра требует от Наоми выкрасть ребенка из приюта, и только после этого убедить суд освободить его от опеки матери.

Какой стыд и позор! Бумба вернулся в Германию, как посланец Израиля и потерял голову. На деньги кибуца, предназначенные на сионистскую деятельность, он открыл в Мюнхене вместе с каким-то мошенником трактир. Бывший пальмаговец Шимон Адан рассказал ей, что Бумба начал пить с посетителями. Его взяли в компаньоны при условии, что он откажется от спиртного. Но приятели, видя, что тот продолжает пить, вышвырнули его из дела. Теперь Шимон Адан помогает Бумбе перебраться в Берлин. В Израиле Лотшин ищет брату жену, чтобы организовать ему устойчивую жизнь. Наоми приходится заниматься делами непутевого брата. Она вынуждена с тяжелым сердцем отложить планы по переводу романа «Саул и Иоанна» на немецкий язык.

2.10.60

Мюнхен

Дорогой мой!

Наконец я устроилась в гостинице, в Мюнхене, после серии авантюрных событий, и пишу тебе подробное письмо обо всем этом. Извини меня, пожалуйста, что письмо это напечатано на пишущей машинке. Ты ведь знаешь, что машинка приводит меня в особое настроение. К тому же, машинка эта новая. Я получила ее в посольстве, в Риме, оплатив ее израильскими лирами на самых наилучших условиях.

Начну по порядку, с момента, как рассталась с тобой. В Риме я была всего один день. Человек, назначенный сопровождать меня, уже ждал, и мы, буквально через час после моего приезда засели за работу. Позвонили Аде Сирени, и она приветливо встретила нас. Пригласила на обед у себя дома. Это женщина лет пятидесяти, невысокого роста, привлекательная лицом, умными глазами, пронзительным взглядом. Встретила нас в своей роскошной квартире, настоящая римская матрона, в которой не осталось и следа от кибуца Гиват Бреннер. В первый час встречи держалась очень сдержанно и замкнуто, откровенно дистанцируясь от меня, ибо в связи с тем, что и она написала книгу на ту же тему, что и я, и не видит необходимости в еще одной такой книге. К сопровождавшему меня Моше отнеслась с той же отчужденностью. И это потому, что, по ее мнению, он принадлежит к тем, кто очернил ее образ и снизил высоту ее личности. Лед сломался, когда Моше рассказал о своей работе, и я объяснила ей, зачем меня сюда направили: писать роман о нелегальной эмиграции, а вовсе не документальную книгу. Это сразу изменило ее отношение ко мне. Эта женщина, несомненно, интересная фигура, достойная стать героем романа. Она рассказала мне многое о своей личной жизни. Передо мной была женщина одинокая, обрадовавшаяся человеку, которому можно раскрыть свою душу. Тут же она взяла нас к итальянскому еврею, одному из активистов, который стоял у основания Алии Бет, – Рафаэлю Кантони, уроженцу Милана. Много лет он был деятелем социалистической партии, членом правительства после падения Муссолини. Сейчас он возглавляет еврейскую общину Рима. Этот человек – убежденный сионист. Даже в дни фашистской власти он общался с приближенными к этой власти, и выдающимися людьми Италии, и все свои связи использовал для помощи Алие Бет. Он добился, чтобы не было полиции на пути, ведущем репатриантов к кораблям. Он послал первые партии оружия подпольной военной организации «Хагана, из которой выросла Армия обороны Изра-

иля. Он способствовал освобождению парней из тюрем и мобилизовал финансовые средства для поддержки репатриации из Италии. Свободно говорил по-немецки в своем римском доме. На мой вопрос, почему он это делал, рискуя своим положением и самой жизнью, посмотрел на меня с истинным изумлением и ответил просто: «Я ведь еврей. Как же я не отдам душу этому еврейскому делу?!» Вот такой простой человек, скромный, с печальными еврейскими глазами и глубоким пронизательным взглядом, сидел передо мной в своем доме, полном добра и огромной коллекции античных предметов, собранных поколениями. На следующий день дали нам машину и повозили по всему Риму. Это был канун еврейского Нового года – Рош Ашана. Мы посетили развалины Римской империи. Ее значение ощущаешь лишь тогда, когда стоишь перед ее колоссальными сооружениями. Ты представить себе не можешь подавляющую мощь этих зданий, и растущих из них, как из пуповины, современных домов и палат.

Величественные остатки древних строений говорят языком мощи с современностью. Но величественнее всех – Ватикан. Гигантские полукруглые высокие колонны вводят тебя внутрь собора, увенчанного огромным позолоченным куполом. Статуи святых смотрят на тебя со всех сторон. Человек столь мал и ничтожен, столь беспомощен перед этой подавляющей мощью, что на тебя нападает страх, охватывающий с головы до ног, перед скрытой силой, которая была всегда и будет всегда, и с этим ничего не поделаешь. Пришла я в себя лишь в церкви Сан-Пьетро ин винколи – Святой Петр в цепях, – перед статуей сидящего Моисея работы Микеланджело. Эта статуя прекрасна. Моисей сидит в окружении мадонн, лицо его, столь человеческое, изборождено морщинами страдания. А напротив него – распятый Иисус – символ всех страданий, перенесенных человеком на земле. И все это выражают эти две фигуры.

Ночью Рим залит множеством огней. На крышах соборов мерцают фигуры святых. В эту ночь Рош Ашана мы посетили синагогу в районе древнего римского гетто.

Рядом – здание древнего и ныне действующего еврейского госпиталя на берегу реки Тибр. Дома гетто черны, словно время окутало их траурным покрывалом. Мы ходили по этим улочкам, стараясь освободиться от тяжкого вейния духа, идущего от окружения. Посетили знаменитое римское кафе. В нем проводили время Моцарт, Гёте, Гоголь. Побывали великие личности всех поколений – художники, скульпторы, поэты, писатели, танцоры, актеры, великие политики. И все они оставили здесь что-то – стихотворение, рисунок, ноты, написанные на бумаге, совсем пожелтевшей от времени. Все это висит на стенах. Есть и гостевая книга, в которой посетители оставляли свои автографы. Вы найдете там подписи Моцарта, Гёте, Черчилля. Ребята из посольства пошутили, представили меня, как знаменитую израильскую писательницу, и потребовали гостевую книгу. Ее принесли. С большой помпой явился официант во фраке и лаковых туфлях, и принес эту книгу, в которой я оставила автограф, добавив требуемые от меня детали, и все вокруг были взволнованы, а я была в сильном стеснении.

Название кафе – Эль-Греко.

На следующий день мы поехали в Формио, заброшенное место, откуда отплывали корабли с нелегальными репатриантами. Одиноким полуразвалившийся замок стоит на скале, и в нем проживает полубезумная русская княгиня. Небольшой домик, окрашенный в красный цвет, стоит на берегу. В нем располагался штаб Алиш Бет. Вдоль скалистого берега – несколько бедных деревень. Моше был взволнован и никак не мог успокоиться.

Только тут я поняла, что значит уводить корабли в безбрежную глубь моря, без причала. Если есть мужество в мире, оно присутствовало здесь. Мы встречались с итальянскими рыбаками. Некоторые из них знакомы с Моше. Радовались встрече. Они многое знают об Израиле, и отлично понимали, что происходит на берегу.

«Почему вы не сообщали полиции?» – спросил Моше.

«Это нас не касается», – был ответ, сопровождаемый раскатистым смехом. Теперь на берегу построили несколько красивых вилл. Хозяин одной виллы вышел к нам и пригласил

отдохнуть. Угостил отличным обедом, и началась живая беседа. Он инженер, на государственной службе, осведомлен обо всем, что происходит в Израиле, знает, что такое киббуц и мошав, перечислил все действующие в Израиле политические партии.

«Вы, – сказал он, – совершили великое дело, оставили прежние профессии и занялись трудом на земле». Интерес к Израилю, как и поддержка, здесь велики. Поимка Эйхмана добавила нам большое уважение. Итальянцы – симпатичный, сердечный народ, культура их жизни проста и красива.

Из Формии мы поехали в Неаполь. Это был великолепный день и такая же ночь. Неаполь – чудесный город, многоцветный, шумный, смеющийся. Много жонглеров и эквилибристов на улицах, а движение просто неопишимо. Посетили судовое агентство, которое организует морские рейсы в Израиль. В агентстве сохраняется комната для служащих Алиш Бет. Это был офис Моше. Даже охранник остался тот же, и радость встречи была неопишима, с поцелуями, угощением, воспоминаниями. В Неаполе мы посетили итальянца, капитана корабля, который перевозил еврейских нелегалов.

К моему большому удивлению, итальянцы отлично понимали, какое великое дело они совершают, искренне увлеклись этими событиями.

Мы еще остались в Неаполе. Сидели в ночных сумерках на берегу моря, вдоль которого множество харчевен и трактиров, и оттуда доносится все та же «Санта Лючия». Это была ночь мучительной ностальгии. Моше тосковал по своей жене, излил передо мной свою душу, рассказывая о ней, а я неотступно думала о тебе, и тоже все говорила и говорила, не умолкая, о тебе, и мы перебивали друг друга.

Из Неаполя мы вернулись в Рим, и на следующий день улетели в Милан. Это современный город с небоскребами, широкими улицами и огромными магазинами. Тут у меня была особенно драматическая встреча с человеком, ответственным за финансы, бухгалтером движения Алия Бет. Это итальянский еврей, которого воспитали христиане. Во время войны он вернулся в иудаизм, и начал самоотверженно заниматься делами евреев. Так он пришел в движение Алия Бет.

И, вообще, многое здесь открылось мне по-новому. И все, что я видела и слышала о еврейском народе, открыло в моем сердце новые горизонты, и во многом изменило мое отношение к нашей стране, к нам самими, к моему жизненному пути. Не знаем сами, какие большие дела совершили, совершаем, и еще не пришел час, когда еврей сможет подвести итог своим деяниям. Помнишь, мы долго говорили о киббуце. Ощущение было, что все эти годы мы трудились зря. Теперь думаю, наш подход к делу был неверен. И это понимание все более крепнет во мне, здесь, в этих странствиях по Европе. Это требует личного разговора между нами, лицом к лицу.

Из Милана мы поехали в портовый город Специо, к тайному месту, которое итальянские партизаны передали Алиш Бет. Это огромная крестьянская усадьба с большими подвалами, в которых были устроены склады с оружием. Отсюда отплывали корабли, здесь готовили людей к специальным операциям. Это место у широкой реки выглядит весьма романтично. И тут Моше снова погрузился в воспоминания. Это была наша последняя поездка по Италии. Хотелось посетить еще много интересных мест. Но Моше получил приказ – немедленно вернуться.

Поездка в Италию была для меня очень важна. Не только потому, что я увидела страну, как ее не мог увидеть ни один турист, а потому, что я вернулась к себе во многих смыслах, к пониманию вещей, от которого хотела отказаться. Необходимо было вернуться в прошлое.

Из Милана я летела в Цюрих. Здесь, в нашем консульстве, по напутствию ребят из итальянского посольства, встретили меня с большим уважением. В Цюрихе я была полтора дня. Город мне очень понравился. Везде ощущается безмятежный покой, дома с красными

крышами тянутся вверх, как маленькие готические соборы. Люди на улицах никуда не торопятся, не бегут с озабоченными лицами.

Проблемы начались в Мюнхене. Полет был ужасным. Буря с дождем сотрясала самолет, подобно судну в бушующем море. Пассажиры были зелеными и белыми, как мел. Я же держалась, как настоящая израильтянка, затянула ремень кресла, напевала про себя, и удостоилась поощрительных улыбок летного персонала.

Но это еще не все. В Мюнхене длились октябрьские празднества, и невозможно было найти гостиницу. Наконец, удалось найти что-то жалкое, и я, падала от усталости в чужом городе, в абсолютной темноте ночи.

На следующий день я пошла искать Бумбу. Не было у меня никакого адреса и, вообще, понятия, где его искать.

Утром зашла в какую-то харчевню. Неожиданно оказалась перед Германией и немцами.

Запах тесноты и дыма. Люди сидят за столами ранним утром, пьют пиво и едят жирные огромные сосиски, и запах освеженной свинины пробудил во мне ужас, казалось бы, позабытое чувство подстерегающей со всех сторон и носящейся в атмосфере гибели. Итальянцы даже выпившие или совсем пьяные, поют и, вообще, остаются людьми, дружелюбно настроенными к окружающим. Здесь же тебя окружают отупевшие от алкоголя физиономии, упирающиеся остекленевшим взглядом в пивные бокалы, и ты внезапно понимаешь, что здесь ничего не изменилось.

Я была в отчаянии. Где искать Бумбу в миллионном городе. Дождь льет и льет, и заливают улицы. Зашла на почту. Оставила ему письмо. Побегала в офис авиакомпании «Эль Аль». Он оказался закрытым. Совсем забыла, что это Судный день. Проехала через весь Мюнхен до места, где когда-то жил Бумба. Никто о нем не слышал и не знает. Дали мне адрес еврейской семьи, живущей в том же доме. Поднялась на лифте. Никого нет в доме. Спросила немцев, где здесь поблизости синагога. Мы не знаем, ответили весьма невежливо. В телефонной книге нет адреса синагоги. Решила дожидаться кого-либо из еврейской семьи. Прождала три часа. Явившийся хозяин знал Бумбу, но где он, ему неизвестно. Дал мне адрес синагоги. Там должны быть израильтяне. Пересекла город в обратном направлении, нашла синагогу. Есть ли тут израильтяне, спросила я служку. Он позвал израильтянина, уехавшего в Германию. Говорит на иврите, но ужасно стесняется своего положения. Тот же знаком с Бумбой, но не знает, где он. Тут есть студенты из Израиля, может, они знают. Опять поехала на другой край города. Нашла этих ребят израильтян, которые учатся в Мюнхене. Уроженцы Израиля, «сабры», он тоскуют по стране и считают дни, когда смогут вернуться. Среди них есть и такие, которые были посланы официально на учебу, Радость нашей встречи и знакомства была искренней. Многие из них читали мой роман «Саул и Иоанна». Они знали, где Бумба работает. В эти дни здесь открыта международная выставка пищевых продуктов. И Бумба работает в павильоне Израиля. Они тут же побежали на поиски его, но не нашли. Они пригласили меня устроиться на ночь у них, и мы провели приятный вечер.

Бумбу я нашла на следующий день. Поехала на выставку. Что тебе сказать? Пишу тебе спустя два часа после встречи с братом. Я – в шоке. Израильтяне, которые встречаются с ним, рассказали мне о нем, расхваливая его человеческие качества, но по своей наивности он попал в ловушку. Побудешь немного в Германии, поймешь, как это случается. Он чудесный парень и ты должна его немедленно спасти, сказали они мне. Я нашла его ужасно состарившимся. Видно было, что он здесь много пострадал. Когда я только увидел его, вся неприязнь во мне к нему улетучилась тут же. Сделал он то, что сделал, и дорого за это заплатил, и сделаю все, зависящее от меня, чтобы ему помочь и поддержать. Завтра выставка закрывается, и я хочу уехать отсюда. Сначала – в Дахау, затем в Нюрнберг, и оттуда – во Франкфурт и Кёльн. Возьму Бумбу с собой и отошлю его в Израиль. Не успела еще поговорить с ним, как следует. Честно говоря, я тороплюсь отсюда убраться.

Итак, итог моих странствий до этого момента таков: я превратилась в настоящую бродяжку, странницу по дорогам. Научилась отлично устроиваться. Надо отметить, что относятся ко мне приветливо во всех местах и по-настоящему помогают. Но тоска по тебе и детям лежит тяжким камнем на душе и не спадает. Долго еще не выдержу без вас. Пиши мне, как можно больше о себе и наших детях. Я писала вам часто. Получили ли вы все мои письма и открытки? Кстати, в Цюрихе я купила тебе чудесные часы марки «Омега». Уверена, что ты будешь ими доволен.

Дорогой мой, шлю тебе всю мою любовь. Вижу тебя перед собой, идущего за ребенком, и вы возвращаетесь через поля, а я далеко от вас.

Ваша Наоми

Дорогая Наоми

Ты уже в Германии? Странной должна быть первая встреча со страной, в которой ты родилась. Язык детства окружает тебя, словно бы ты никогда не прекращала на нем говорить. И все же эта встреча каждый раз ставит в ступор. Германия, Германия. Никак я не могу освободиться от кошмара: уничтожения шести миллионов евреев. Вчера наткнулся на домашние туфли наших девочек, перед моими глазами возникли шеренги детской обуви погибших детей в лагерях смерти.

Это был спонтанная ассоциация, вроде не связанная ни с чем, некая искра из картины, которую никогда не видел, и все же глубоко врезающейся в мою память. И это не единственная картина и не единственное чувство, порожденное страшной реальностью Катастрофы.

Убийство евреев, убийство родных и близких мне людей, уничтожение мира моего детства и моей юности будет сопровождать меня всю мою жизнь. И, все же, я не могу ненавидеть Германию, хотя знаю, что должен ее ненавидеть. Но не могу, – ни язык, ни культуру, ни страну, ни людей.

Я могу ненавидеть нацистов, но не просто немцев. С нетерпением жду твоих писем оттуда.

Что сказать, настроение мое весьма изменчиво. Никак не могу взяться серьезно за работу. Мешает мне какая-то статья, которую должен написать, и нет у меня времени, ибо должен готовиться к лекциям. Но и к ним я не готовлюсь. К началу праздника Суккот я уеду с ребенком в Бейт Альфа. Здесь, на семинаре, никто не останется. Только в пятницу все начнут возвращаться. Кстати, в тот день состоится заседание совета киббуцев. Обещает быть жарким, вдобавок к общей жаре. Ты, наверно, слышала о деле Лавона. Вчера Бен Гурион опубликовал длинное заявление, из которого, весьма запутанного, проистекает, что он вовсе не нейтрален в этом скандале. Как говорится, замешан, и не совсем чист. Что-то происходит в израильском обществе, и вообще на Ближнем Востоке, что-то пробуждается и пытается прорваться наружу. И, кажется мне, эти изменения – к лучшему. Хотя и не уверен.

Весь киббуц Гиват Хавива шлет тебе привет. И я – также. Всегда твой,

Израиль

Ночь. Видения концлагеря Дахау не дают ей уснуть. Нацисты все на одно лицо, и лицо это представляло Германию. Глаза их, как рваные черные дыры, лишённые выражения, во тьме смотрят на нее. Напряжение не отпускает ее. По концлагерю она шла за группой девушек пятнадцати – шестнадцати лет, прислушиваясь к объяснениям, которые давали им учителя.

«Политика была в центре повседневной жизни. Тех, чье политическое мировоззрение не было удобно власти, арестовывали».

Наоми прислушивалась к разговору двух учениц.

«Если бы я жила в то время, то должна была бы перекраситься в блондинку. Мама сказала мне, что опасно было быть брюнеткой». «Так что, меня бы убили, если я шатенка. Жаль, что я тогда не жила. Мне очень нравится быть блондинкой».

Кровь бросилась в голову Наоми. Значит, есть немцы, которые воспринимают Катастрофу через цвет волос! И ни одно слово не было сказано учителями о евреях. А она видит матерей с детьми, газовые камеры и крематории. Нет Израиля рядом, чтобы он обхватил ее голову и унял дрожь. Она несчастна.

3.10.60

Дорогой мой.

Посетила Дахау. Все там, как было. Только насадили деревья и дорожки посыпали мелким углем, идешь по ним, кажется, ступаешь по праху мертвецов. Я плакала как ребенок. Два американских священника пытались меня успокоить. Думали, что вся моя семья здесь была уничтожена. А разве это не так? Только побывав здесь, можно понять весь ужас Катастрофы. Кажется мне, что из моей души никогда не выветрится печаль этого места. Облака, как пепел, кажется, навечно повисли над этим местом. Я не хожу есть в столовую, не могу сидеть рядом с немцами. Покупаю продукты на улице и ем в номере гостиницы. Здесь воздух пропитан убийством.

Доброй ночи,

Твоя Наоми

Нюрнберг. После ночи, проведенной в роскошной гостинице, Наоми переехала в дешевый пансион, дабы поближе познакомиться с немцами. Хозяйка пансиона, очень полная женщина, провела ее в узкую захлавленную комнату. Все ночи Наоми кусали клопы, и она, молча, это переносила. У хозяйки восемь детей, у девочек косички аккуратно заплетены, поверх платьиц – фартуки, мальчики бриты наголо, в широких черных штанах до колен. Хозяйка прижимает к широкой груди буханку хлеба, нарезаая его ломтями. Каждый ребенок получает ломоть, ничем не намазанный, на завтрак в школе. Шум и суета замолкают с уходом детей.

«Вы помните шествия с факелами нацистов к замку Барбароссы?» – спрашивает Наоми хозяйку.

«О, это было великое время, великая эпоха», – восторгается хозяйка теми чудесными днями.

Наоми гуляет по улицам города и думает о том, что нацизм вовсе не был политикой. Еврей не мог этого понять, только немец. В центре города, самом позорном месте истории Германии, торчит высокое деревянное сооружение, специально возведенное к факельному шествию нацистов. Наоми поднимается по деревянным светло-коричневым ступеням. Отсюда вещал вождь Третьего Рейха, и до сих это вспоминают, как апофеоз национальной гордости. На этой сцене посетители с благоговением шевелят губами: «Здесь стоял Гитлер. Отсюда он воспламенял сердца масс».

Она видит, как маршируют шеренги людей, перепоясанных вдоль и поперек ремнями. Стучат сапоги. Хитро прищуренные щели глаз.

«Почему вы не уничтожаете эту трибуну?» – пытается она разговорить прохожих. Те бросают мимолетный взгляд на странную женщину, и ускоряют шаг.

«Это обойдется очень дорого». Один из прохожих откликается. Холодное отчуждение проходящих немцев не останавливает ее. Она найдет кого-то, кто согласится ответить ей на вопросы, касающиеся нацистского факельного шествия и речи Гитлера.

«Ты еврейка? – останавливается перед ней пожилой худой человек. – Ты хочешь очернить Гитлера. Он был великим вождем!»

«Так оно и есть, – подлаживается к нему Наоми, – Я не собираюсь его очернить».

Он соглашается зайти с ней в столовую. Она заказывает две порции свинины, стараясь убедить нациста, что она не еврейка. Она откусывает кусочек мяса и говорит, что у нее нет аппетита.

«Значит, ты знаешь, что Гитлер был хорошим человеком, и это вранье, что он убивал евреев. Американцы это придумали, чтобы овладеть Германией». Незнакомец ест и пьет, и вспоминает о великих днях. А незажившие раны не дают ей дышать. В гостинице она записывает всё, что ей наговорили жители Нюрнберга, и печаль не отступает от ее души.

Она посещает один магазин за другим и спрашивает продавцов, видели ли они факельное шествие. «Конечно, еще бы», – отвечают они, глаза их горят. Продавцы рассказывают об эйфории, охватившей их при виде незабываемого зрелища. Свет не горел ни в одном окне. Все жители вышли лицезреть это великое событие.

Был хотя бы один противник этого шествия? Она вспоминает Шпаца, художника из Нюрнберга, товарища ее сестер. Где были его родители? Скорее всего, среди зрителей факельного шествия.

Не поддавайся иллюзии, что Германия изменилась, думает она про себя. Жители Нюрнберга смотрели на шествие, как на Евангелие от Гитлера. Они вышли на улицы увидеть Гитлера, возвышающегося на древних стенах живой легендой о короле Барбароссе. Согласно народной легенде, Барбаросса вообще не умирал. В замке он спит тысячу лет. Только с возрождением Германии, он проснется к новой жизни. И она опять видит Гитлера на стенах города Нюрнберга Гордо, без всякого зазрения совести рассказывают очевидцы. Даже нищие не скрывают тоску по тогдашнему расцвету Германии. Жители Нюрнберга проклинают англичан, последними словами ругают французов. Глаза жителей Нюрнберга наполняются ненавистью при упоминании русских.

«Я прятала мою шестнадцатилетнюю дочь от русских насильников», – говорит одна женщина о катастрофе, которая охватила город с приходом русской армии. И ни полслова об изнасиловании русских женщин немецкими солдатами в их победном марше по России.

«Но мы заплатили за это. Бомбили нас. Так хватит, хватит!» – впадает в истерику одна из женщин.

Наоми наступает на большую мозоль – на исторические события, на ненавистный ей, но живучий дух нацизма к Она покупает дочке куклу и пластилин. Купила красивое пальто, но его украли из ее номера в пансионе. Покупки успокаивают ее нервы.

Она ходит из церкви в церковь, подолгу рассматривает святых, выступающих барельефами из камня, выписанных красками на картинах, отчеканенных в бронзе, высеченных в дереве. Но ни в одной из церквей Нюрнберга она не находит святости. Лики святых уродливы и грубы.

Люди замечают невысокую молодую женщину, проходящую улицу за улицей. Она ощущает опасность, но погружение в историю города и его жителей преодолевает страх. Ее преследует ощущение, что она что-то пропустила, чего-то недоглядела, так и не поняв, как вольный город Нюрнберг пошел в рабство к диктатору. Он все более убеждается в том, что Германия потеряна. За свои преступления она будет преследоваться вечно. Скверна ее будет возникать каждый раз в другой форме, в новых одеждах. Продавший хотя один раз душу свою дьяволу, навек не отмоется.

Она переезжает во Франкфурт.

Здесь ее ждет сердечная встреча. Доктор Готфрид Бергман-Фишер, хозяин известного издательства «Фишер», предлагает ей задержаться во Франкфурте. Он готов выделить лучшего редактора. Но личные ее дела не дают ей возможности воспользоваться столь щедрым предложением. Она не может заняться переводом романа «Саул и Иоанна» на немецкий язык.

Один из компаньонов Бумбы угрожает ему и ей, если они не рассчитаются с долгом. С помощью Шимона Адана она спрятала брата в Берлине до его отлета в Израиль. Она занята спасением брата и не может выполнить договор об издании романа в Германии.

Следующее место ее странствия – город Кёльн на северо-западе Германии.

Ее встречает доктор социологии Синаар, исследующая факторы, благодаря которым Гитлер пришел к власти. Она родилась в Германии, но живет в США.

Из Кёльна она едет в Оффенбах, родной город, дочери основателя секты франкистов Хавы Франк. Дом ее превращен в музей. С трудом Наоми отводит взгляд от лица Хавы Франк на медальоне из слоновой кости, осматривает мебель это неуемной женщины, рассматривает ее счета. И слышится ей голос Залмана Шазара:

«Иудейство прошло через многие потрясения и победило. Иудаизм вечен».

Залман Шазар продолжает изучать историю Якова Франка и франкистов.

«Их идеи были позитивны и реальны. Их идеал родился из тоски по Израилю. Но идеал этот переродился и обрел уродливую форму. Они, как бы, сбились с дороги, и пришли туда, куда пришли».

10.10.60

Дорогой мой.

В Кёльне ожидала меня неприятная неожиданность. Многие письма, которые прибыли для меня сюда из Рима, были отосланы обратно, и судьба их неизвестна. Доктора Синаар не было в Кёльне, и секретарша ее не знала, что делать с этими письмами.

Теперь шли мне письма в Берлин. Послезавтра я уезжаю туда.

В Мюнхене мне было нелегко. Никак не могла прийти в себя после травмы от посещения Дахау. Хотя немцы насадили в этом аду много деревьев, но они только усилили ужас этого места. У входа в лагерь высится бронзовая статуя заключенного на мраморном пьедестале. На нем высечена надпись: «Честь мертвым и предупреждение живым». При входе в музей опять надпись огромными буквами: «Никогда такое не повторится!» В музее много документов, писем, фотографий, подпольных газет, которые выпускали заключенные, их рваная и покрытая пятнами крови одежда, кнуты, которыми их избивали, и орудия пыток. Закрываешь глаза, и все кажется страшным сном. Не верится, что это было в действительности. Отсюда дорога ведет прямо в газовые камеры и крематории. Человеческое воображение не в силах себе это представить. Кто это увидел, не забудет этого никогда. В парке большие братские могилы, на одних – маген Давид, на других – крест. Под высокими старыми деревьями – глубокие траншеи, и весьма простое объяснение их предназначения. Здесь нацисты убивали евреев выстрелом в затылок, и кровь скапливалась в этих траншеях. За все это время траншеи заросли травой, и осенний ветер шуришит в облетевших и пожелтевших листьях. Я же слышала там плач и вопли сотен тысяч, и шорох листьев, как шепот мертвых, и стояла там, онемев, близкая к обмороку. Это посещение ввело меня в очень сложное душевное состояние, и есть насущная необходимость вернуться в нормальное состояние, и взвесить более объективно все, что я видела и слышала там. Мюнхен, первый город, в который я приехала, весьма несимпатичный. Повезло мне: приехала туда во время осенних праздников, называемых «октобер-фест». Массы людей забили улицы, множество буйных пьяных мужиков. Запах пива и сосисок заполнял всю атмосферу. Ощущение было, что я попала в нескончаемое стадо варваров. Гитлер отлично знал, почему выбрал именно Баварию и Мюнхен первичным полем своей деятельности. Это самая худшая и дикая часть Германии.

Из Мюнхена я поехала в Нюрнберг. Здесь находилась полтора дня, посещая почти бегом церкви, дома, замки, а, завершив этот бег, начала его сначала, и весьма этим наслаждалась. Ведь религия была тоже мировоззрением, как любое другое. Как она сумела вдохновить человека на такие великие произведения искусства. Художники Адам Крафт, Вейт Штос, Аль-

брехт Дюрер спустили Бога на землю. Они дали ему образ страдающего человека, с редкими минутами радости, наслаждения, зависти, не пропустив ни одного чувства, присущего человеку, и все это – в обликах Бога, святых, ангелов и мадонн. Они сделали невозможное, дав им вечность, мгновения религиозного экстаза, но, при этом, изобразив их земными существами со всеми их чувствами добра и зла. Помнишь, однажды мы сидели в нашей комнате, в Бейт Альфа, я, ты и Натан Шахам. И ты задал этот вопрос. Как произведение искусства покупает вечность. Вот, я и нашла ответ в произведениях великих художников Нюрнберга. И рядом с этим видела дом Гитлера и народ, который, живя в тени этих прекрасных сокровищниц искусства в церквах, этих гуманных произведений живописи, пошел за преступниками, и даже искусство не сохранило и не спасло человека от страшного унижения. Видишь, я не могу побывать в любом месте без того, чтобы не свести со всеми один и единственный счет.

Из Нюрнберга я улетела во Франкфурт. Пошла в издательство «Фишер» и была там принята с большой сердечностью. Мы говорили о «Сауле и Иоанне». Если я обещаю ему, сказал он, что книга на немецком языке будет распространена в Израиле, он тут же подписывает со мной договор. Он хочет издать книгу об Израиле. Договорились, что я вышлю ему главы, написанные мной по-немецки из второго тома, а также об еще одной встрече. Он уезжал в Италию и должен был вернуться во Франкфурт в октябре. Кажется мне, что мы расстались дружески. Он дал мне в сопровождение одного из своих ответственных редакторов, чтобы тот исполнял все мои просьбы, и дал мне из библиотеки издательства все книги с документами о нацистском режиме, интересную книгу сына Томаса Манна – Голо Манна, книгу об истории Германии с 1918 по 1945 годы. Редактор уделил мне целый день, гуляя по Франкфурту, показывая мне город. Большую радость принесло мне посещение дома Гёте. Но, главное, я встречалась с молодыми немцами, – писателями и интеллектуалами. Они меня чудесно приняли, и между нами состоялась интересная беседа. Это молодое поколение совсем иной закваски, весьма серьезное. Несет на себя весь тяжкий груз прошлого, и не пытается от него откреститься, несмотря на то, что они, несомненно, не были ответственны за все, что происходило в сороковые годы. Они ищут пути в будущее, но резко отвергают диктаторский режим, каким бы он ни был. Меня заинтересовало их мнение о Бен Гурионе. Все они настроены в пользу Израиля, высоко оценивают наше государство, но отвергают власть Бен Гуриона, ибо, по их мнению, в ней явно проглядывают диктаторские нотки, резко выступают против выборов по округам и военного режима. Ты и представить себе не можешь, с каким напряжением следят эти немцы за тем, что происходит в Израиле. Но еще более интересной была встреча с молодой еврейкой, доктором социологии, написавшей книгу о факторах, приведших к власти Гитлера. Она родилась в Германии, но росла в США. Вернулась сюда, чтобы изучить общественные явления, из которых вырос фашизм. Женищина в высшей степени интеллигентная, нестандартно мыслящая, осторожная в оценках. Мы проговорили много часов. Я услышала от нее весьма важные и интересные вещи. Также и о роли церкви в те годы. Я не сказала ей откровенно о шоке, который испытала здесь, в Германии. Она помогла мне немного освободиться от напряжения, так, что в Кёльн я приехала в лучшем настроении. Здесь жители более симпатичные, весьма похожи на французов, с их веселым характером и чувством юмора. Здесь, в Кёльне, было самое сильное движение сопротивления нацистам. И, действительно, только здесь я, наконец, освободилась от атмосферы, пропитанной запахом пива и сосисок.

Забыла тебе написать. Я стала здесь вегетарианкой в знак протеста всему этому обжорству. Также забыла тебе сказать, что во Франкфурте встретила Ури Таля из Иерусалима. Помнишь его? Вообще, встреча двух израильтян здесь всегда радостна. Ури получил финансовую поддержку для учебы от фонда Анны Франк.

Встретили меня в Кёльне сердечно. Но, главное, это твое письмо. Я очень истосковалась по тебе и детям, и вообще слишком надолго затянулось мое странствие на чужбине. В Берлине я, наконец, начну свою работу. Собрала много материала, и для моего творчества очень

важно это мое странствие, и все наши с тобой страдания были не зря. Получили ли вы то, что я послала? Как была принята кукла? Дити я купила чудесные игры. Пошлю их с Бумбой.

Дорогой мой, тоска по тебе сводит меня с ума. Всё, о чем мы переговорили, сопровождает меня все время. Здесь я возвращаюсь к пониманию твоей борьбы за истинный облик человека, и к давнему моему замыслу – написать книгу о мире, чья физиономия такова, какая есть, и в этом мире тысячи тысяч живут по-другому, с иным мировоззрением, иным уровнем человечности. И ведет меня твоя мудрость, деликатность, логичность, Это моя охранная грамота.

Обнимаю тебя с любовью,

Твоя Наоми

10.10.60

Гиват Хавива

Дорогая моя Наоми

Сегодня пришло твое письмо с описанием Дахау, и открытка из Нюрнберга.

Естественно, ты устала после всех впечатлений и переживаний. Твое путешествие в течение трех первых недель действительно впечатляет. Как ты успеваешь все это охватить? Я все еще не знаю, как ты живешь, достаточно ли у тебя денег, достаточно ли ты отдыхаешь. Ты написала о подарках, о часах, которые купила мне в Швейцарии. Не транжирить ли ты много денег, которые будут необходимы тебе позже. Конечно же, я беспокоюсь, но пока вижу, что ты отлично устраиваешься.

История с Бумбой. Если она закончится, как ты об этом пишешь, возвращением его в Израиль – это будет одна из самых важных твоих операций.

Кончились праздники, и я надеюсь, что теперь смогу упорядочить все мои работы. Девочки возились с малышкой, помогали мне, но и мешали. Ты же знаешь, возня с ними берет больше времени, чем их помощь.

Сегодня мы снова скакали на деревянном коньке к маме в Германию. Но вернемся к злобе дня. Дело Лавона продолжает будоражить всю страну. Просто трудно поверить, что такое творится у нас. В этой еще такой молодой стране. Главный обвиняемый – Шимон Перес. Обвиняют его в подделке документов с целью подставить министра обороны Лавона, который занимал этот пост пять лет назад. Неизвестно, в какой степени Перес замешан в этом деле. Ясно одно, что действовал он подпольно с целью убрать с поста Лавона. Такова ситуация, в которой трудно отделить правду от лжи. Ясно лишь одно: дело серьезное. И оно очерняет верхушку рабочей партии МАПАЙ и, главным образом, молодежь, приближенную Бен Гурионом и обслуживающую его. Бен Гурион открыто встал на защиту Шимона Переса, и это понятно: обвиняя служку, косвенно обвиняют хозяина. Создана комиссия по проверке, которую возглавляет Хаим Коэн. Какие бы ни были результаты проверки, компания «молодой поросли Бен Гуриона» не выйдет сухой из воды, как и сам он. Конечно же, он сильнее своих противников, но победа его будет аморальной. Так или иначе, дело это подорвет авторитет и моральный престиж правящей партии.

Каковы мои прогнозы. Выборы по округам под эгидой Бен Гуриона провалились. Не будут ни в этой, ни в следующей каденции, ибо эта шайка, дела которой сейчас выходят на свет, не действовала только против министра обороны, который ей не нравится и, по ее мнению, лишен талантов. В результате – власть военных над парламентом. Чиновники решают, кто будет министром, а не Кнессет или, хотя бы, партия. Отсюда открыт путь к диктатуре. Отсюда возникает подозрение, что Бен Гуриону вообще не нужны выборы по округам для укрепления его единоличной власти. Ожидать можно всего, быть может, небольшой военной авантюры. Несомненно, будут потрясения. Все ждут свидетельства Моше Шарета. Этот

джентльмен способен увести от истины, слегка исказив правду во имя единства и величия партии, правительства и легендарного главы премьер-министра Бен Гуриона.

Вечером мне звонила Лотшин. Получила твои письма. Только во вторник она получит ответ относительно санатория, куда собирается поехать.

Я же много размышляю о Германии и немцах. Речь идет о подчинении приказу, о личной ответственности. Это приводит к Эйхманам. Сейчас есть много обнадеживающих свидетельств, что молодое поколение, которое называют «поколением эспрессо», не очень подчиняется лидерам с целью – услужливостью пробиться наверх, к власти.

В газетах публикуют дискуссию между Моше Шамиром и Бен Гурионом. Последний заявил, что не читает художественную литературу. Спор этот напоминает диспут в СССР между «физиками и лириками» – кто более важен и необходим.

Все твои друзья просят передать тебе привет.

С любовью, Израиль.

Глава пятнадцатая

Наоми постоянно встречает проявления чувства вины немцев за содеянное их народом. Мюнхенский адвокат недоумевают: как израильяне могут после случившегося иметь дела с немцами. Водитель такси сказал ей, что он хотел бы поехать в Израиль, но не решается появиться среди евреев. Он был ужасно удивлен, когда она сказала ему, что в Израиле не обвиняют немцев. «Этого я не могу понять, – потрясенно сказал он, – следует обвинить всех нас. Разве это не ясно?»

И вот она прилетает в Берлин.

«Ты Бертель?»

Старик лет семидесяти, с трудом передвигающий ноги, останавливает ее. Зелло, дальний родственник деда, протягивает ей дрожащую руку, в глазах его стоят слезы. Два месяца назад она послала ему письмо из Израиля. Из лагеря смерти Аушвиц, где он убирал трупы евреев, которых задушили в газовых камерах, он вышел инвалидом. Жена его Ирма и двое сыновей, из которых старший был в возрасте Наоми, а младший – в возрасте Бумбы, погибли в Аушвице. Перед встречей с Зелло, возникла в ее памяти семейная фотография верных законопослушных немецких граждан: Ирма сидит возле стола в тихой аккуратно прибранной комнате и шьет. Дети всегда чисто одеты и хорошо воспитаны. Семья владела магазином женской одежды. Дед всегда покупал у них сумки и одежду для внуков.

«Это от Руфи», – дядя Зелло протягивает ей телеграмму от старшей сестры. Глаза ее не отрываются от его мертвого взгляда разбитого человека. Она с трудом читает телеграмму от Руфи.

«Дядя Зелло, завтра она прилетает из Аргентины. Мы не виделись более двадцати трех лет».

Водитель останавливает такси около здания, в прошлом уважаемой еврейской больницы, известной своими великолепными врачами и обслуживанием. Немцы рвались в эту больницу. Хронические больные из Палестины лечились в отделениях этой больницы, благодаря финансовой поддержке еврейской общины Германии. После войны власти вернули это здание общине в качестве многоквартирного дома. Старик, с трудом передвигающий ноги, напомнил Наоми, что здесь лечился ее отец. Дверь квартиры раскрылась, и простая добро-сердечная немка пригласила войти. Вторая жена дяди, младше его на двадцать лет, из кожи вон лезет, чтобы понравиться еврейке из Израиля. Угощает пирогами и кофе, рассказывает свою трогательную историю. Она оставила хорошо оплачиваемую работу на фабрике по пошиву рубашек, и пошла учиться в школу медсестер, чтобы помогать больным и страдающим людям. Как сестра милосердия, отдавала всю себя самым униженным и несчастным людям. К дяде Зелло, который был доставлен прямо из Аушвица в больницу, где она работала, она отнеслась с особой теплотой. Когда он был освобожден из больницы, и отчаянно нуждался в помощи, она привезла его домой и накормила.

Наоми удивлена. Этот рассказ почти в точности совпадает с историей, описываемой ею. Клотильда Буш в четырнадцатилетнем возрасте сбежала из сиротского дома и стала «королевой переулков» Берлина. Не знала никакой нужды благодаря мужчинам, с которыми «крутила» любовь. В дни Первой мировой войны она оказалась на фронте в качестве сестры милосердия, ухаживая за ранеными. После окончания войны она поселилась в огромном берлинском подвале с множеством комнат, превратив его в приют для всех несчастных, инвалидов, калек, выброшенных жизнью. Ее сердце не знало пределов милосердия. Наоми с подозрением изучает женщину, связавшую свою судьбу со стариком, обиженным судьбой. Интуиция подсказывает Наоми, что речь идет о выгоде. В голодные годы после окончания войны еврей, который остался живым после Катастрофы, дает кров и пищу бывшей нацистке. Американское еврей-

ство помогает продуктами и деньгами жертвам нацизма, вдобавок к солидной помощи со стороны германских властей.

«Там, в аду Аушвица я поклялся себе, если останусь в живых, стану набожным евреем. Об этом я думал, волоча трупы в крематории», – говорит Зелло, еврей, который не хотел быть евреем. После войны он не ограничивался тем, что вел жизнь религиозного еврея, а помогал восстанавливать синагоги, разрушенные в Хрустальную ночь. С упорством и большими усилиями собирал миньян – десять евреев для молитвы. Открыл в своем жилом квартале маленькую синагогу. Зелло не мог себе простить греха: насмешек над теми, кто был напуган приходом Гитлера к власти. Ведь его друг прорицатель Хануссен, еврей, пророчивший Гитлеру невероятный успех, говорил, что нацистский режим нуждается в евреях, так что настанет день, и нацизм приведет евреев к расцвету. Перед выходом из квартиры, которую Наоми сняла рядом с дядей, он подарил ей желтый магендавид который он носил в Аушвице.

Наоми хочет прогуляться по коммунистической части города. Хозяйка с радостью предлагает в проводники свою мать.

«В коммунистическом Берлине люди голодают. Каждый день я готовлю пакет с бутербродами для моей старой матери, которая продолжает жить в восточной части».

Наоми с опаской идет по улицам «коммунистической» части родного города. Она вздрагивает от каждой проезжающей мимо милицейской машины. А ее провожатая орет в сторону колонн мужчин в военной форме: «Они не коммунисты, они как нацисты! Я не позволю им отобрать у меня мое мировоззрение!»

Веддинг в двадцатые годы был пролетарским районом. Теперь он выглядит городом-призраком. Жители оставили его и бежали от Гитлера в бараки на окраине города. С того времени «красный» Веддинг пуст. Знаменитый квартал пролетариата безмолвствует, но не в памяти Наоми. Тут она гуляла с товарищами по молодежному еврейскому движению, в эту почву ложились семена, в которых до времени скрывались ростки ее книг.

Город изменился. Нищие кварталы стерты с лица земли, как стерты грани между классами. Профессор живет рядом с рабочим, пролетарий – рядом с инженером. Она возвращается на съемную квартиру с грудой коммунистической литературы, подтверждающей её и Израиля тезис: нацизм стерт, как политическая партия, но продолжает существовать под одеждой современного коммунизма.

А что происходит в еврейском государстве? В каждом своем письме Израиль дает отчет о новостях израильской политики.

15–16.10.60

Гиват Хавива

Сенсация догоняет сенсацию. Вчера сообщили о смерти раввина Толедано. Похоже, журналисты ускорили его кончину. Умер он в глубокой старости, хотя собирался начать новую жизнь. В эти дни всякие явления в жизни имеют политическую окраску, поэтому даже уход раввина Толедано из жизни дает Бен-Гуриону карты в руки, чтобы отыграть свое в министерстве религий.

Сегодня у нас сладкий день: получили две увесистые плитки шоколада, которые ты прислала из Швейцарии. Также получена коробка конфет от моей идишистской писательницы Хаи Эльбаум.

Дочь твоя Дити явилась к нам в 8 часов утра босиком, в разодранной майке. Сбежала из круглосуточного детского сада. С трудом убедил ее вернуться и отвел ее сам туда. “Мне там очень скучно» – сказала она. Очень выросла и повзрослела за время твоего отсутствия. Она очень щедра: цветные открытки, которые ты ей посылаешь, дарит детям. Говорит: у меня их достаточно.

Понимаю, что ты шокирована первой встречей с Германией. До сих пор не встречал человека, получившего такой шок. Это знак, что твоя душа вбирает гораздо большие и интенсивнее, чем обычный человек.

Сегодня получил твое письмо из Берлина. Должен признаться, что твои письма читаются точно так же, как твои романы. Какое обилие событий, какие неожиданные встречи. По сравнению с этим, письма мои скудны. Не о чем рассказывать, разве лишь о политике, и ее неожиданных поворотах в нашей маленькой стране, которые особенно шумны в последние дни. Первым делом – дело Лавона. Каждый день в нем возникает что-то новое. Столкновения между Лавоном и Бен-Гурионом все более усиливаются.

Вчера у малышки со мной был чудесный день. Она сама – чудная. Я склонен согласиться с тобой, что девочка эта необычная: талантлива в детском своем мышлении. Удивляет меня своей уравновешенностью и внутренним спокойствием. Очень помогают твои цветные картинки.

Жду с нетерпением продолжения твоих рассказов. Успеваешь ли ты что-то писать, кроме писем?

Ты отсутствуешь целый месяц. Я уже жду твоего возвращения. Здоровье мое в порядке. Только вот хамсины не прекращаются.

С любовью, твой Израиль

Гнойные раны открываются на ее теле. Никакие мази не помогают. Физическое и душевное состояние ее плохое, но она делает всё, для чего приехала в Европу. В центре Берлина она ищет следы одноклассницы Герды. Их магазин тканей стал лавкой по продаже шоколада. Наоми пыталась узнать о судьбе предыдущих владельцев. Новый хозяин пожал плечами, сказал, что нашел магазин разрушенным и опустошенным. Куски тканей были разбросаны. Она пошла к дому, в котором жила Герда с матерью, стучала в двери соседских квартир, спрашивала о двух еврейках, живших в этом доме. Ей сухо отвечали, что нацисты их забрали. Она бродит по улицам, вспоминая высокомерие Герды, иллюзии ее матери. С каким восторгом те отзывались о соседях нацистах! Она видит, как Герда, в бессилии, голодная, падает с ног от каторжной работы в лагере смерти, или ловит воздух в газовой камере Аушвица, или погибает от пули палача. А может быть, ее убил любовник-нацист из страха, что она его выдаст.

18.10.60

Берлин

Мой дорогой!

Что случилось? Я не получаю писем от тебя. Немедленно напиши. Я ничем не могу заниматься, только ожидаю почту. Написала тебе много писем. Получил ли ты их?

Что делает малышка? У нас много неприятностей с Бумбой. Старшая моя сестренка Руфь приехала в Берлин. Обе мы были рады встрече. Оставила ее молодой, красивой, веселой, а нашла старую женщину с разрушенным здоровьем, абсолютно разбитой. Жизнь у нее была трудной. Все так печально. И от тебя нет писем.

Пиши!

С любовью,

Твоя Наоми

Невероятный скандал разгорается на приеме, который устроил в честь Наоми глава еврейской общины. Она теряет терпение, забывает правила вежливости, все мосты между нею и евреями Берлина сжигаются. Почему она не может себя сдерживать? Еврейские беженцы, среди которых и сестра ее Руфь, возвращаются в Мюнхен или в западный Берлин. Это угнетает Наоми. Но глава общины встречает ее с гордо поднятой головой, и рассказывает о новой жизни

евреев в Германии после войны. Она же не знает, как смотреть ему в глаза. Душа ее не находит себе места.

«Я должна себя сдерживать, чтобы не дать вам пощечину!» – ее глаза мечут молнии.

«Какая наглость, какое вы имеете право так говорить?» – лицо главы общины каменеет.

«Уважаемый господин, вы покинули Тель-Авив и вернулись в страну, которая вышвырнула вас? И вы в своей речи смеете говорить о проблемах государства Израиль! Почему вы лжете себе и общине?! Евреи пользуются большим почетом в современной Германии?! И это все, что вы можете сказать после Катастрофы. И если недостаточно вам было уроков Катастрофы, чтобы сделать выводы для будущих поколений, так вы еще пытаетесь убедить всех нас, что в Германии нет антисемитизма?!»

Глава общины кипит и переходит на крик:

«Вы что думаете, что убьете меня, как арабов?!»

«Зачем вы продолжаете врать! Стыдитесь, сотни лет не ступала нога евреев Испании на земли, с которых его изгнала инквизиция, а сотни тысяч евреев Германии полны тоски по обществу, которое ответственно за убийства их семейств и уничтожение их народа».

Женщина просит понять их. В разгар войны она сумела сбежать с сыном в Америку. Муж и трое детей погибли в Катастрофе. Так почему же она вернулась в страну, ответственную за это?

«Поймите, госпожа, – пытается она смягчить израильтянку, – немцы дают нам репарации».

Наоми не верит своим ушам.

«Извините», – у Наоми прерывается дыхание, и она выходит на улицу.

Они стыдятся сказать правду, которую она услышала от Бумбы. Они боятся признаться в том, что любят пейзажи своего детства и немецкую культуру. Ностальгия возвращает их со всех краев света. Нет выздоровления от еврейской болезни – привязанности к дому детства. Она берет свою сумку и спускается по ступеням, убегая от угнетающей ее памяти.

Эти улицы запомнились ей первомайскими демонстрациями, алыми флагами и лозунгами. На улицах восточного Берлина прорываются наружу спрятанные в потаенных уголках памяти сцены: знакомые магазины, газеты, которые она читала, вкус квашеной капусты и кокосовых цветных конфет, за которыми бежала, экономя деньги на трамваи. К центральной площади города Александерплац сбегаются со всех сторон улицы и переулки, и ветер насвистывает между зданиями точно так же, как в прошлом. Она присела на скамейку в сквере и слышит, как и прежде, гудки автобусов, звон трамваев, шаги прохожих... Это ведь не просто скамейка. На ней зарделись ее щеки от первого неожиданного поцелуя, захватившего ее врасплох. Дони уже готовился к отъезду в Палестину. Он признался ей в любви и тут же набросился с поцелуями. «Ты все испортил», – испуганно оттолкнула она его от себя и убежала. Она скрывает от Израиля то, что случилось на этой скамье...

Она долго отдыхает на скамье, предаваясь воспоминаниям. Затем отправляется на прогулку по Майнигштрассе, тихой улочке, полной бородатыми евреями в кипах и евреями бритыми, без головных уборов. До войны они приходили сюда, в дом еврейской общины. Евреи шли сюда справляться по различным вопросам религии, налогов, разводов и женитьбы, похорон и обрезания. С усилением нацистов евреи выстраивались в длинные очереди в поисках работы, за советом и юридической помощью в связи с увольнениями. Теперь она старается посетить все уголки и подворотни. Она даже заходит в публичный дом Карлы Миллер. Владельцы дома сменились, но как принято в Германии, имя первой хозяйки сохраняется.

Наоми останавливается около парикмахерской.

Кажется, что почти ничего не изменилось с того дня, когда она зашла сюда одна.

«А мама тебе разрешила?» – спросил парикмахер, когда она попросила его отрезать косы.

«Конечно», – солгала она, и сердце билось в груди.

Ведь отец просил ее оставить косы в память о покойной матери. Но ей так хотелось не отставать от своих коротко постриженных подружек!

«Жаба! «← крикнула Фрида, увидев ее.

«Фуй», – закричал Бумба.

Гейнц посмотрел на ее стрижку и сказал с грустью, что она не должна была это делать. Дед и близнецы тоже рассердились, но, главным образом, на неряшливость парикмахера.

Вернувшись домой, она продолжает работать над вторым томом романа.

– То, что ты вчера сделала, Иоанна, – говорит господин Леви, – достойно похвалы. Он хмуро смотрит на ее волосы. – То, что ты сегодня сделала...

– Вчера, отец, – отвечает Иоанна придушенным голосом, сидя в кресле напротив отца, с глазами, красными от слез, – вчера умерла «воронья принцесса», из-за этого я не пошла в поход с товарищами по Движению. Но сегодня я должна была отрезать косы. Вправду, отец, должна была!

Отец молчит, и молчание его, как всегда тяжелей любого выговора. Оголенные ветви дерева стучат в окно, как пальцы отца по креслу, и только мать смотрит с портрета на стене пронизательным пристальным взглядом.

– Почему ты это сделала, Иоанна? Зачем? – спрашивает отец и вынимает из кармана записку, которую Иоанна положила вчера рядом с восковой розой для Бумбы. – Неужели твои отношения с семьей изменились до такой степени?

– Бумба – доносчик, отец, – вскакивает Иоанна, лицо ее краснеет.

– Верно, детка, это некрасиво, но не это важно в данный момент. Детка, сяди спокойно в кресле, и объясни мне необходимость того, что ты сделала.

– В моем Движении, отец, меня доводили из-за моих косичек.

– Доводили? – искренне удивляется господин Леви.

– Да отец, они причиняют мне много неприятностей... Но, отец, я сама виновата. Я все еще недостаточно дружественна, я еще не как все. Меня в подразделении сильно критикуют.

– Что это значит – «я не как все»? Какие они – «все»?

– В том-то и дело, что я сама точно не знаю, что это значит. Отец, из-за этого все мои беды», – Иоанна опускает голову, – мнение мое точно такое же, как у всех моих товарищей по Движению, я верю в цели Движения, делаю то же, что все остальные, и при этом все говорят мне, что я не как все. – В голосе ее такая печаль, что господин Леви встает с кресла, подходит к несчастной своей дочери и гладит ее по голове.

– Что тебя тянет в твое Движение? Может быть, ты им не подходишь, может, стоит отказаться от него?

– Нет, нет, отец, там все так здорово и красиво.

– Но ты же говоришь, что они досаждают тебе, Иоанна.

– Досаждают, но это неважно. Я сама во всем виновата. Движение, отец, это как дом, как теплое гнездо. И цели наши прекрасны. Они сняты мне по ночам. Ты бы должен услышать, отец, как нам рассказывают о Палестине, читают у костра легенду о бунте сына. Это так вдохновляет, отец!

– Легенда о бунте сына? Я бы действительно хотел ее услышать.

– Я могу тебе ее рассказать, отец. Я знаю ее наизусть. И не ожидая ответа, Иоанна начинает декламировать:

«И был день, и я, сын, взбунтовался против отца и матери! Я, сын, восстал против легенд отца и матери, против их законов. Хотел я создать собственную легенду. Эй, эй, эй, сын мой, не слушай отца о морали его, не внимай ухом законам матери, ибо мораль отца сомнительна, да и матери – то же самое! Эй, эй, эй, не слушай...»

Испуганный Бумба, который все время стоял за дверью кабинета отца и, прижав ухо к отверстию замка, прислушивался к разговору, в надежде узнать точно, что «получит» Иоанна от отца, бежит к Фриде.

– Фрида, слушай! Что она там говорит? Все время кричит – эй, эй, эй! Не слушай, не слушай! А отец молчит и ничего ей не отвечает.

– Да что он ей ответит? – вскакивает Фрида. – Даже он не выдерживает сумасшествия девочки. – И она бежит к Гейнцу в комнату жаловаться.

– Скажи мне, детка моя, – склоняет голову улыбающийся отец, – что во мне такого плохого, что ты хочешь восстать против меня?

Иоанна мгновенно прекращает декламацию, изумленным взглядом смотрит на отца и краснеет. Что она снова сделала? Может ли она сказать отцу что-то плохое, больному отцу, которого нельзя волновать? Но отец вовсе не выглядит человеком, которому причинили боль. Столько доброты в его взгляде и на лице, склонившемся над Иоанной, которая вглядывается в него, как будто она видит его в первый раз. Впервые видит она отца таким красивым, выпрямившимся во весь свой рост, с таким добрым взглядом.

– Отец, – шепчет она взволнованно, – отец, в тебе нет ничего плохого. Конечно же, нет.

– Так почему же ты призываешь к бунту против меня? И так решительно?

– А-а, это не против тебя, отец. Вправду, нет. Это против всего здесь. Против всех вместе.

– Против! – смеется отец. – В твоём возрасте надо быть против, Иоанна, это хорошо и чудесно. Но в меру. Ты же знаешь, что все должно быть в меру. Кто это сказал?

– Это один из главных принципов эллинского мира, – отвечает Иоанна.

– Именно, – радуется господин Леви хорошему образованию дочери. – Иоанна, через месяц у тебя день рождения, не так ли? Какая у тебя просьба ко мне к этому дню? Ведь тебе исполнится двенадцать лет.

– У меня большая просьба к тебе, отец. Сейчас пришла мне в голову. Погуляй со мной под дождем. Я всегда гуляю в одиночку под дождем, и тогда приходят мне в голову столько мыслей. Под дождем я смогу объяснить тебе еще много важных вещей.

Фрида не давала отцу гулять с маленькой дочкой в холодную погоду. Где теперь Фрида? Наоми пытается найти ее следы. Веки сами слипаются от усталости, но мысли четки и ясны. Завтра у нее встреча с сестрой Руфью. У Руфи превосходная память. Она освежит детские воспоминания Наоми, напомнит рассказы деда, вернет ей прошлое.

Фурункулы на ее груди и спине продолжают расти. Не помогают ни мази, ни таблетки. Депрессия усиливает чесотку. Еврейская кровь сочится под ногами, комната черна и полна привидений. Убийства, вопли пытаемых жертв, человеческие скелеты обдают ее дыханием гибели. Пишущая машинка выстукивает картины Берлина. Выкрики нацистов, надписи на стенах: «Христианство сотрем и скорей, ибо свинья Иисус – еврей!» Возрождаются к жизни нордический бог Вотан, славянский Триглав, бог войны и мудрости Один, крестьянский бог земледелия и плодородия Венартус. В бесконечных своих речах Гитлер возвращает немцам их древних языческих идолов под несмолкаемую музыку Рихарда Вагнера. Она отшлифовывает текст, вызывая к жизни незабываемый день детства.

1931 год. Дом погружен в сон. Гейнц запретил ей сбегать со дня рождения Бумбы. Младшему брату исполняется одиннадцать лет. Дни рождения в доме – дело священное, ибо другие праздники вообще не отмечают. Но она все же прокралась в сад, чтобы присоединиться к подразделению, готовящемуся к экскурсии в лес. «Девочка, девочка!» – окликает ее Урзула, служанка графини, живущей напротив, размахивая письмом, – «Девочка, позови садовника Зиммеля».

По просьбе старухи, которую Наоми называет «вороньей графиней», старый садовник поехал в старый Берлин, на Рыбачью улицу около реки Шпрее, передать письмо родственнику умирающей графини.

Черные вороны больше не будут есть крошки с рук графини, которая в ранние утренние часы выходила к озеру в черных траурных одеждах и разжигала любопытство Иоанны – Наоми. Все годы своего детства она сочиняла легенды о мистической фигуре странной графини, и ее тайне. Вечером она вернулась из похода в лес. Семья и гости, празднующие день рождения Бумбы в саду, не заметили, как она прокралась в дом. Настроение ее было ужасным. Она достала дневник из тайника и выложила в нем свою скорбь.

«Подняли знамя Гитлера над домом умершей графини!» – с криком ворвалась она в домик садовника. «Знаю. Это очень плохой знак, что дом графини захватили нацисты», – садовник затянулся и выпустил ароматный дым из трубки.

Он рассказал, что недавно встретил у озера служанку графини Урзулу, и она стала его стыдить, что он обслуживает евреев.

«Но почему графиня оказалась нацисткой?» – спросила разочарованно девочка. Зиммель объяснил ей, что графиня терпеть не могла кайзера Вильгельма Второго. Она боялась, что ее сына-музыканта пошлют на войну. Отец ее племянника, человек военный, заседавший в рейхстаге, высмеивал своего и ее сына за их физическую слабость. Его сын не выдержал этих насмешек и ушел на фронт. Сын ее пошел вслед за ним и погиб в бою. Горе съедало графиню, и она поставила себе целью отомстить сыну сестры, социалисту, вернувшемуся с войны живым. Она уверила себя, что если бы не он, ее сын был бы жив. Графиня и садовник происходили из древнего прусского колена вандеев, уроженцы которого никогда не были связаны с политикой.

«В моем селе, я не слышал имени Гитлера. Они чужаются нацизма».

«Я не пройду мимо нацистского знамени», – сплюнула она.

«Бертель, не сдавайся этому знамени».

«Тише, тише! – беззвучно успокаивала она себя. – Тише, тише!» – разогнала она стаи ворон, которые оглушали ее карканьем.

Она хорошо помнит эти дни. Красное знамя с черным крестом в белом круге встречало ее, когда она выходила из дома и возвращалась в него.

Во времена Бисмарка Зиммель и Урзула оставили деревню и молодой парой приехали в Берлин, Они собирались пожениться, но графине не понравилось, что парень работает у евреев. Молодая Урзула ходила в шуршащих старых и, все же, элегантных платьях графини, подражала ее движениям, ее разговору, ее нацистскому мировоззрению. Она отшила парня, который служил в еврейском доме, учился в рабочей школе, созданной социалистом Августом Бебелем, вел интеллектуальные беседы с хозяином. Зиммель вернулся к себе в деревню после того, как нацисты изгнали хозяев-евреев и следы его потерялись. Садовник Зиммель играл большую роль в жизни Наоми. С любым делом, которое волновало ее или угнетало, она приходила к нему. С ним она разбирала книги писателей-социалистов. Зиммель подробно рассказал ей о своем племени ванадов или вандеев, о Триглаве, о мифе про черного медведя Иоанеса. Она даже посетили вместе с дедом их деревни.

По ночам Наоми вспоминает деревни ванадов, тянущиеся цепочкой вдоль реки. Над красными крышами клубится дым из труб. В темных Бранденбургских лесах, недалеко от Померании, лежит белый тонкий туман. Дед энергично шагает, опираясь на трость, другая рука – в кармане шубы. Дед идет по лесным тропам по направлению к лесным озерам. Внуки идут следом за ним по черной земле. Ветер развеивает седые волосы деда. Дед учит внуков истории: «Превислав – последний царь ванадов, вел войну, но был вынужден отдать земли христианам. На его глазах разбили идола бога Триглава»

Дед рассказывает о легендарном герое Йоханесе – черном медведе. В двенадцатом веке он распространяет свою власть над язычниками-славянами, силой вгоняя их в веру милосерд-

ного Иисуса Христа. Десятью заповедями он загоняет десятки тысяч язычников с женами и детьм в болота. В маленьком прусском городишке Бранденбурге разбивает в осколки идолов, а Триглава топит в реке, превращая его в собственный символ на своих знаменах – в трезубец.

В старом еврейском дворе восточного Берлина слышны горькие рыдания. Здесь, на берегу реки Шпрее, она тоже не может сдержатъ слезы. Она остро ощущает еврейскую судьбу. Чувство святости и тяжкая печаль охватили ее, когда она вместе с Шломо Аронсоном вошла во двор. Он сдержан и замкнут, лишь пронзительным остановившимся взглядом смотрит на знаки смерти и запустения, оставленные нацистами. Лишь застывшие слезы поблескивают в уголках его глаз. Не осталось никаких следов от домов евреев, построенных в тринадцатом веке. Кто-то повесил объявление: здесь был дом Моше Мендельсона. Нацисты гневались: как он посмел называть себя немцем? Моше Мендельсон, совершивший переворот в еврейской религии, пришел в этот старый еврейский двор в восемнадцатом веке. Тогда кайзеры открыли врата Германии евреям, поддержали их занятие торговлей и банковскую деятельность – раздачу ссуд под проценты каждому, кто оказывался в трудном финансовом положении, ибо христианам церковь это запрещала. Мендельсон верил, что евреи и христиане могут жить в едином союзе.

Как обманывали себя евреи, думая, что они смогут быть равными с христианами – гражданами Германии?!

«Это моя страна», – говорил ее отец, и пошел на фронт Первой мировой войны. Он чувствовал, что это его святой долг.

На этом историческом для евреев месте каждый камень хранит память, которую пытались выкорчевать нацисты. Эти выродки ворвались в дом, выволокли Вениамина Френкеля. Его обвинили в убийстве христианского младенца, чтобы его кровью напитать мацу на еврейскую Пасху.

И хотя она носит тоже фамилию Френкель, у нее нет родственной связи с Френкелями Берлина и Силезии. Имя это звучит, как испанское, и стало распространенным среди евреев, изгнанных из Испании и пришедших в Германию в восемнадцатом столетии. По приказу кайзера они должны были прибавить к своим еврейским именам немецкие.

3.11.60

Берлин

Дорогой мой!

Я тут совсем одна. Пишу. Долго гуляла по старым памятным местам, и искала общезитие и забегаловку Нанте Дудля. Старая часть Берлина находится в восточном городе. Она почти полностью разрушена. Но я, все же, нашла улицу рыбаков у реки Шпрее. Старый еврейский двор уничтожен подчистую, но на выставке еврейской общины я нашла много снимков старого двора. Просмотрела документальные фильмы нацистского периода. Бумба должен вернуться в Израиль 14 числа этого месяца. Надеюсь, что все пройдет благополучно. Я сняла себе квартиру. Боялась жить вблизи дяди. Руфь шлет тебе привет.

С любовью,

Твоя Наоми

27.10.60

Гиват Хавива

Дорогая Наоми, в письмах ты намекаешь на какие-то трудности. Потому я очень беспокоюсь. Пиши подробней, и не забудь прислать свое фото.

Меня выбрали в коллегия премию Шлионского. Честно говорю, я не знаю, кто из поэтов и прозаиков достоин этой премии. По-моему, никто. Дело Лавона несколько успокоилось. Престиж Бен-Гуриона на нуле. Пинхас Розен выполняет роль примирителя. По сути, это малень-

кий скандал в маленькой стране. Никого не застрелили, никого не послали в концлагерь, но дело это отражает нравственную проблему страны, власти, банды, захватившей узды в партии, в демократическом обществе, что случается во многих странах.

Дити сегодня снова спросила меня: когда мама вернется.

Твой Израиль

А между тем в Израиле набирает обороты дело Лавона. В июле 1954 года израильская военная разведка пыталась организовать серию диверсий в Египте. Но операция провалилась. Были арестованы 13 агентов. Двое из них покончили собой, двоих повесили, многих приговорили к длительным срокам заключения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.